

Мария Некрасова

БОЛЬЩАЯ КНИГА УЖАСОВ 10

Месть крысиного короля
Доктор-мумия
Костыль-нога
Вечеринка для нечисти

Жуткая сказка на ночь

Мария Некрасова

Вечеринка для нечисти

«ЭКСМО»

2008

Некрасова М. Е.

Вечеринка для нечисти / М. Е. Некрасова — «Эксмо»,
2008 — (Жуткая сказка на ночь)

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	10
Глава IV	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мария Некрасова

Вечеринка для нечисти

Глава I

Уехали!

Громыхало страшно: Веня спросонок решил, что гроза. Даже выругался про себя: гром-то нешуточный, может быть, даже с градом, а кто-то не закрыл на ночь парник. Прощайте, помидорчики! Хозяйка теперь все утро будет ворчать и, выпрямляя поломанные стебли, ругать правительство. А правительство дрыхнет!

Веня вскочил, рванулся к выходу... И успокоился. Гроза не может так ритмично колотить над самым ухом да еще приговаривать:

– Управа, откройте!

По-тюремному лязгнула заслонка печи, шмякнулся об пол опрокинутый ухват, драпанула, шкрябнув когтями по кирпичу, напуганная кошка.

– Венантий Скобеев, доброе утро! – Вене сверкнули в глаза светлячком: что за манера! Вот он, Венантий, если дежурит в управе, никогда себе такого не позволяет. Светлячком в глаза – моветон! Да и была нужда показывать власть, которой послезавтра у тебя не будет! В управе тоже не дураки, постоянных сотрудников там не держат: сегодня дежурят одни, завтра – другие. Нечистая работа, на ней долго нельзя...

– Доброе. Свет убери.

– Убрал, слава лешему!

– Что стряслось-то?

– Управа имеет к вам серьезный разговор. Можно войти?

Веня посторонился, впуская пришедшего, и вздохнул: похоже, кислой капустой сегодня не отделаться. А хорошо бы: сунул управцу пакетик еще с порога – и спи себе! Но нет, этому требуется по полной программе: разговор, протокол, «Можно войти?»... Интересно, что хозяйский малец опять натворил, что у него, Венантия, неприятности с законом?

Веня служил домовым уже не первую сотню лет и с каждым годом, нет, с каждым днем, все больше убеждался: дети – это зло. Беспокойная сущность, разрушительная. То молочные зубы раскидают где попало, и Венантий полдня бегаёт по дому, чтобы отыскать и отнести на печку мышке. То заиграются и забудут пострелять из рогатки по галкам, и те, обнаглев, расклеивают яйца в курятнике, а Венантий – отвечай. То, собираясь в школу, оставят на столе почти целую кружку молока, которую тут же оприходует богарт, а свалят на Веню. Нехорошая сущность – эти дети, одно беспокойство.

– Что на этот раз? – Веня сел на сосновую щепку и кивнул управцу на другую. Только сейчас он разглядел, кто пришел: бабай – они сегодня дежурят в управе. Отлично, просто замечательно! Венантий от души понадеялся на понимание бабая: кому, как не ему, знать о детском коварстве? – Вы уж не судите меня строго. – Вене оправдываться не впервой. – Хозяйские дети такие беспокойные, каждый час вытворяют что-нибудь этакое. Я просто не успеваю исправлять их пакости, у меня же полно дел: огород, кухня... А сейчас, по осени, и вовсе некогда...

– Нет, Венантий Скобеев. – Маленькие глазки бабая строго глядели на Веню из-под челки. – На этот раз все серьезно.

– Что? Что окаянные опять выкинули?!

– Дети ни при чем.

– Ни при чем?

Бабай даже не кивнул, а так – моргнул медленно:

– Дурная манера – все сваливать на детей. Я бы на вашем месте...

Веня совсем растерялся:

– Так что случилось-то?

– Вы нарушили закон, Венантий. Закон номер один, от пятого-десятого с Рождества Христова.

– Номер один?!

Веня вскочил и стал лихорадочно ощупывать – осматривать содержимое печки вокруг себя: зола, недогоревший листок из дневника с двойкой (хозяйский Митька бросил, больше некому), кошка (вернулась досыпать) – все здесь, все свое, родное. Не мог он, Веня, нарушить закон от пятого-десятого! Вот же и подметка Ольгина...

– Все верно, Венантий, вы покинули свой дом.

– Как?!

– Согласно закону от пятого-десятого домом считается место, где хозяева проживают постоянно на данный момент. Ваши хозяева уже за много верст отсюда, Венантий Скобеев. И, насколько мне известно, они не собираются возвращаться.

– Как это? С чего?!

– Вам виднее. Вы здесь домовый. Были...

Отодвинув широкоплечего бабая (весь свет заслонил, нечисть!), Веня выскочил наружу. Кухня чистая, теплая, как всегда, только посуды на сушилке заметно поубавилось. Осталась лишь пара чугунных сковородок (должно быть, тяжело везти, вот и не взяли). Дрова для печки убраны в угол и прикрыты ветошью. Из коридора исчезли нитяные коврики, в комнатах опустели шкафы. В детской не осталось ни одной игрушки, только бумажный самолет одиноко висел на потолочной лампочке. Как же так?! Хозяйка уехала! Без него! И кошку забыла!.. Зато детей-разрушителей забрала всех, ну есть голова?!

А бабай-то, формалист, бюрократ чертов! Это не Веня покинул дом, это весь дом покинул Веню, чтобы обосноваться в другом месте. Оставили, уехали. Только такие мелочи в законе номер один не прописаны, потому что плох тот домовый, который проспал переезд. Да он и о переезде-то не знал!

Веня со злостью пнул табурет в прихожей у зеркала (зеркало увезли, так что теперь просто табурет в прихожей) и уселся на пол. Уехали. Неизвестно куда, непонятно зачем. Что с ними теперь будет?! Время сейчас беспокойное, без домового – не жизнь. Богарты последние двести лет совсем осатанели, ладно бы просто воровали молоко, так нет! Им надо и по стенам пошуршать ночью, пугая детей, и болезнь наслать, и мор на скотину, и что похуже! Сосед – Арсений в тот год сплеховал: только за калитку отошел посмотреть, не идут ли коровы с пастбища, так в доме пожар случился. Две минуты всего домового не было!

...А хозяйка уехала и детей забрала.

– Венантий, пройдемте! – Бабай уже взял кошку на поводок (тоже преступницу нашел: она ж не виновата, она с Веней, куда домовый, туда и она) и приглашающе звенел кандалами. У Вени закололо в боку, даром, что сердца нет. «Пройдемте!» – нечисть лесная! Ему лишь бы виновные были наказаны, а виноваты ли они вправду и что теперь будет с хозяйкой – так наплевать! И попробуй объясни, что спал, что уехали все неожиданно, что с собой-то его, Веню, не позвали, – слушать не будет! Хозяйку жаль, она не виновата, что дура. Жаль детей-разрушителей, богарты их не щадят.

Веня сделал несколько шагов к бабаю и отчаянно попытался спасти положение:

– Я догоню. Я найду их! В доме должны были остаться записи, хоть бумажка с адресом, я, видимо, проглядел, больно неожиданно все. Пропадут же без меня! Хотя день мне дайте, я догоню!

– Раньше надо было думать! – Бабай защелкнул на Вене кандалы. – Примеряй, Венантий, железные лапти, не тушуйся. О твоей хозяйке позаботятся.

– Кто?

– Что значит: «Кто?», закона не знаем?!

Закон Веня знал, но от этого было не легче.

Глава II

Ох уж эти сериалы!

Вот некоторые говорят одно, делают другое, детям объясняют третье, а потом еще удивляются: почему я запираюсь на чердаке вместо того, чтобы помогать родному муравейнику складывать вещи. Это все бабуля учудила вчера: вскочила посреди ночи, да ка-ак завопит: «Едем, братва! (Ох уж эти сериалы про бандитов!) Хватит родителям одним в Москве прохлаждаться, едем!». Мишка, например, с печки свалился, но он маленький, ему можно. Ольгуха, как самая старшая, послушно начала собираться и только тихо бурчала под нос такие слова, какие нам с Мишкой знать еще не положено. Но на то она и старшая, чтобы высказывать свое мнение по каждому поднятому вопросу. А я вот не мог ни с печки свалиться, ни даже высказать все, что думаю о происходящем, так что пришлось запираться на чердаке.

Бабка взбесилась. Она сразу оставила все неотложные сборы и принялась ломиться на чердак, вопя, что отдала мне свои лучшие годы.

Лучшими годами, как я понял, считаются первые годы пенсии, когда работать уже не надо, а ходить по врачам, с пяти утра занимая очередь в поликлинике, еще стыдно, да и не хочется. Тогда у человека появляется масса свободного времени, которое можно посвятить любимым внукам. Что наша бабушка и делала последние шесть лет. Так получилось.

Родители уехали в Москву через полгода после рождения Мишки, чтобы, как они сказали, обеспечить детям нормальное будущее. Я тогда только пошел в первый класс, и будущее без родителей, зато с Ольгухой, бабушкой и Мишкой мне понравилось.

Просыпаться каждое утро в школу было необязательно: Мишка сам будил нас в пять утра, оглушительным ревом требуя завтрак в постель. Бабуля вскакивала и бежала через комнату к Мишкиной кровати, попутно стаскивая одеяла с меня и Ольгухи. Сестра уже училась в шестом, и ей хватало ума не варить с утра эту мерзкую кашу. Она делала по паре бутербродов себе и мне, и мы отправлялись в школу. Уроки у меня тоже никто не проверял: Ольгухе со своими бы разобраться, а бабушка была занята Мишкой – некогда. Гуляли мы дотемна, а могли бы и до утра: замученная Мишкой бабушка не заметила бы нашего отсутствия.

И вот вся эта малина оборвалась в один прекрасный день одним прекрасным родительским звонком. Мама заявила, что раз у них с отцом есть жилье и работа в Москве, то и нам, четверым, в деревне делать нечего. Ольге в институт надо, да и мне пойдет на пользу обучение в московской школе. Про Мишку ничего не сказала, ему в школу только через год, но суть была ясна: прощай, спокойная жизнь!

Бабушка сперва взбунтовалась. Она заявила, что ни за что не отпустит детей «в этот бандитский город, где на дискотеках до утра попой дергают, а корову подоить не умеют»; что экология в Москве ужасная, и Мишка вырастет уродом, а мы с Ольгухой – просто балбесами; что она привыкла за скотиной ходить, а не бутылки по помойкам собирать, и еще много-много чего. Насчет скотины бабушка, конечно преувеличила: у нас к тому времени из всей скотины осталась только кошка, но сути это не меняло. Я подслушивал разговор и с удовольствием понял: бабушка никуда ехать не собирается.

Но прошла неделя, и я принес очередную двойку, а Ольгуха в очередной раз вернулась домой в четыре утра, потому что в деревне тоже бывают дискотеки. Бабушка сперва оценила безобразие и сказала, что «родители-то из вас дурь выбьют, а город дисциплинирует». Но потом решила, что двойка – не грех и что если бы девчонки Ольгиного возраста не торчали на дискотеках до утра, то люди вымерли бы еще в каменном веке. Я вновь успокоился, и вновь ненадолго. Бабушка возвращалась к теме переезда снова и снова, взвешивая все «за» и «против». Она обсуждала эту тему с соседками, которые не советовали ничего путного, зато всегда

могли поддержать разговор. Обсуждала сама с собой долгими осенними вечерами, пытаюсь докопаться до истины, и вот вчера посреди ночи ее осенило: «Едем, братва!» – за что такое наказание?

Я просидел на чердаке почти до утра. Бабка ломилась в дверь, бранилась и рассказывала, как она нас всех любит и как хочет, чтобы у нас было достойное будущее. Я слышал, как внизу бегают Ольгуха, собирается за всех за нас, как скачет Мишка, по-детски радуясь ночному переполоху.

Слышал, как лают собаки на улице, провожая домой припозднившихся гуляк; как играет где-то аккордеон, фальшивя (а вы что хотели в три часа ночи?); как горланят чьи-то гуси, потревоженные незнакомым гостем; как живет-дышит деревня, которую я больше не увижу.

– Открывай, супостат! Я для вас стараюсь, мне этот город на фиг не вперся!

– Не поеду. – Кого я обманываю?! Поеду, конечно, никуда не денусь! Просто мне хочется еще немного побыть с этим домом, который, может, и не самый лучший, но я не знал другого. Я родился здесь и пеленки пачкал здесь, потому что памперсы в деревне появились совсем недавно. Тут учился говорить, ходил в школу, воевал с Ольгой. Не так-то просто: взять и уехать, оставить-забыть прошлую жизнь. Ведь для меня – это *все*, что было.

Мне хотелось еще чуть-чуть побыть дома. Спокойно, не торопясь, не кидая в чемодан шмотки, которые родители все равно забракут. («В этом только по коровнику шастать, а в Москве – за террориста примут!») А бабка не понимала. Она ломилась в дверь, делая невыносимыми последние минуты дома.

– Ну подожди ты немного!

– Некогда! На ночной поезд билеты дешевле, а за час до прибытия – вдвойне!

Ну что с ней сделаешь?!

– Иду! – В углу у двери валялась пара крошечных лаптей – игрушки, наверное, или сувенир. Я взял их с собой: в пыльной Москве будет отличная память о деревенском доме.

Бабка перехватила меня за шиворот и поволокла вниз:

– Бегом собираться! Много не бери, только самое необходимое!

Я сложил на столе школьные учебники. Придет библиотекарь и заберет. А документы нам директор почтой вышлет. Это вам не Москва, здесь школьной администрации нетрудно дойти до почтамта, чтобы переслать документы выбывшему ученику. Не так уж много учеников, и не так уж часто они выбывают. Что ж не послать документы хорошему человеку? Тетрадки, дневник, белье, джинсы – собрался.

Ольгуха, Мишка, бабушка, дядя Саша, который проснулся среди ночи и согласился отвезти нас на вокзал, – все ждали меня.

– Едем, что ли?

– Присядем на дорожку. – Все синхронно опустили на чемоданы, но бабуля тут же вскочила:

– Едем, братва!

Ох уж эти мне сериалы про бандитов!

Глава III

Сумасшедший город

Я понимаю, когда баба Нюра, торопясь по утрам в сельпо, рассекает на своем мотоцикле, не разбирая дорог и огородов. Я понимаю, когда она объезжает лужи старательнее, чем прохожих, – прохожие давно плюнули и не ругаются, а из лужи – и обрызгаться можно. Бабу Нюру можно понять: у нее внук вечно тащит в рот всякую гадость, и если не приехать в сельпо пораньше за активированным углем, то его тебе и не достанется. Все расхватают для домашней скотины, потому что у коров и кроликов тоже иногда болит живот. Баба Нюра и заводит мотоцикл с утра пораньше и летит, сшибая заборы, я ее понимаю.

Но когда десятки, сотни огромных машин (по сравнению с мотоциклом – огромных) летят, не разбирая дороги, замечая прохожих не больше, чем мух на лобовом стекле, – этого я не понимаю. Они еще и ругаются, если ты рискнешь пройти по тротуару, где им вздумалось припарковаться. И как! Это песня. Я таких слов не слышал даже в тот раз, когда отдал физруку ногу, на которую он до этого штангу уронил. Мне тогда пришлось обратиться за разъяснениями к словарю, благо у соседки нашелся подходящий. Я читал его до утра: никогда не думал, что на свете бывают такие слова. Но от московских водителей я узнал гораздо больше.

А уж милиция! Вот у нас, когда бабнюриной козе вздумалось погулять без хозяйского ведома, участковый дядя Коля заподозрил кражу и стал обходить все дворы, искать, кто спер козу. К нам в сарай заглянул, увидел только вилы да лопаты, козырнул и ушел. Зашел к одним соседям, к другим... У нас деревня – три улицы, дядя Коля обошел все за полчаса и сказал тетя Нюре: «Ищи в лесу». Но это же нетрудно, когда в деревне три улицы! А в многомиллионном городе каждого останавливать и обыскивать – это что ж такое пропало, позвольте спросить?! И кто же так хорошо учил математику, чтобы не понимать элементарную вещь: пока всех обыщешь, украденное тысячу раз перепрячут?!

Вам вот смешно, а мы пока от вокзала в метро спустились, нас обыскали раза три. Один раз даже чуть не задержали: сержанту показалась подозрительной коллекция бабушкиных панталон. То ли он решил, что бабуля их украла, то ли что она собирается торговать ими в метро, а может, то и другое. Бабушке пришлось доставать и показывать, что панталоны неновые, следовательно, продать их невозможно, да и для кражи она бы выбрала что поновее, а не эту рвань (дырки на панталонах ей тоже пришлось предъявить). Но отпустили нас только после того, как заорал Мишка. Он умеет орать и, за что ценю, умеет орать вовремя. Сержант оказался то ли бездетный, то ли впечатлительный, в общем, отпустил нас на первых же нотах.

Думаете – все? А метро?! Нет, вообще-то там красиво, очень даже. Но только если смотреть вверх: светильники, мозаика на потолке – здорово! А вот вниз, вбок, вперед и куда там еще – лучше не смотреть. Да и необходимости нет: нас в метро занесла толпа, спустил эскалатор (жуть, вряд ли я когда-нибудь привыкну!), толпа же занесла в вагон, а потом вынесла на нужной станции. Нам осталось только выйти в город, но это можно сделать и глядя на потолок.

А потом был дом. Кирпичная махина, со всех сторон обставленная гаражами и помойками, обсиженная бабульками и обгаженная собаками. Мишка как увидел – сразу запросился домой (не понял еще, дурак, что попал). Ольгуха пробурчала что-то вроде: «Надеюсь, у меня будет своя комната»; бабушка молча перекрестилась. Я не знал, что сказать, на всякий случай уточнил: так ли должен выглядеть настоящий «каменный мешок» или нужны еще какие-то детали? Получил подзатыльник и оказался дома.

Дома были родители, которых бабушка не предупредила о нашем приезде, и они уставились на нас в изумлении, как Мишка на унитаза.

– Слава богу, а то я думал, еще год потратим на уговоры!

– Мам, ты бы хоть позвонила!

– Некогда было звонить! – объясняла бабушка, выкладывая из моего рюкзака банки с огурцами (уф, гора с плеч!). – Сразу поехали, как решились, я боялась передумать. Порядки-то тут у вас недеревенские, как я погляжу.

– Привыкнешь.

– Поздно мне привыкать. Вот они пускай привыкают. Чего встали?! Руки мыть, здороваться!

Мы, как воспитанные, выстроились в очередь перед родителями (черт с ними, с руками, потом). Мать я не видел все шесть лет, что они жили в Москве, и ревниво отметил, что она классно выглядит. Короткая стрижка вместо косы, узкие джинсы, как у Ольгухи... Стоя рядом, они тянули на разновозрастных подруг, на тетю и племянницу, но никак не на мать и дочь. Отец к нам приезжал год назад на какой-то праздник, и я успел перезапомнить его таким: поху-девшим, без бороды, поэтому не сильно удивился переменам. Родители тискали по очереди каждого, приговаривая «Как ты вырос!» и прочую ерунду, которую говорят детям, когда их давно не видели. Мать особенно старалась, даже чуть не лягнула: «Как ты выросла» бабушке, попавшей под горячую руку.

Не то чтобы я был не рад, просто отвык. Совсем другие, обновленные, что ли, родители, в незнакомом городе, в новом доме... Я чувствовал себя не в своей тарелке (тарелки, кстати, тоже были непривычные: черные и квадратные, – как не сойти с ума?!).

Потом отец повел показывать наши комнаты, и я немного успокоился: нас тут долго ждали, это было видно. Нам с Мишкой досталась небольшая комнатень со шведской стенкой (всегда такую хотел) и кроватями-чердаками. Это такие койко-цапли, на высоких ножках, под каждой помещался письменный стол. Ольгуху с бабушкой поселили в комнату побольше, разделив ее зачем-то разрисованной бумажной перегородкой. Я видел такие в книжках про Китай – красиво. Ольгуха визжала, как первоклассница: ее половина комнаты была оклеена розовыми обоями (она обожает этот цвет). Миха сразу забрался на свою кровать и нацелился потренироваться в прыжках с высоты, за что получил по шее и надувной матрас (матрас пристроили у кровати, на случай, если Мишка все-таки свалится).

Потом отец устроил нам экскурсию по микрорайону, показал школу (совсем рядом с домом), компьютерный клуб (надо заглянуть). В общем, к вечеру я уже почти смирился с мыслью, что это теперь наш дом. Найденные на чердаке деревенского дома лапотки повесил на ночник над кроватью – прикольно. Только что-то не давало мне уснуть: то ли телевизор в родительской комнате, то ли машины за окном, то ли проступившая перед самым носом надпись на потолке: «Здравствуй».

Глава IV

Будни колонии

– Второй отряд, на выход! Хватит спать, и так уж все проспали! – У леших своеобразное чувство юмора, поэтому их только и берут, что в тюремщики. Это у людей считается, что все лешие живут в лесах – ничего подобного! Леших много, лесов мало. Каждый леший-тюремщик мечтает к старости получить повышение и отправиться на работу в лес. Один из сотни удостаивается такой чести, остальные же так всю жизнь и работают в колонии домовых. Злющи-е! Кому приятно родиться лесничим, а работать тюремщиком?!

Веня леших жалел, это помогало ему не киснуть в колонии и терпимо относиться к их шуткам. Неудачники, что с них возьмешь?

– Подъем, подъем! Рубаху в штаны заправь, не дома! – Еще одна шутка леших, из-за которой все заключенные колонии чувствуют себя идиотами. Рубахи у домовых длинные, ниже колена. Если заправить такую рубаху в штаны, как требуют лешие, вид получается аховый, как будто ты целую подушку запихал, чтобы сидеть было мягче. Так и ходят целый день домовые, на клоунов похожие. «Ну и хорошо, – думал Веня, – ну и ладно. Зато не холодно, да и у моли не хватит силенок прокусить толстый слой материи». Моли Веня еще побаивался. Те, кто в колонии давно, уже привыкли и посмеивались над Веней: «Бабочку испугался!» – забыв, как триста лет назад боялись сами. Да и как не бояться-то? Бабочка, между прочим, размером с кулак домового и лопает все, что гвоздями не прибито. И этих тварей домовые в колонии должны кормить, каждый день по восемь часов, чтобы они валенки не ели, не создавали проблем свободным домовым.

– Не спим, не спим! – подгонял леший. Веня заправил рубаху, повесил на руку котелок и направился в портяночный цех. Здесь уже кипела работа: булькала вода в котлах, столбом стояла пыль от специй. Веня затопил свою печь, налил в котелок воды и пошел на склад за портянками. И чего эта моль такая привереда?! И портянки-то ей нужны строго двухнедельные (старше или новее – уже не будет есть), и сахару – две ложки, ни больше ни меньше, да две таблетки нафталину! Когда Веня был свободен, так моль жрала, что попало, и сахару не требовала! А тут...

– Долго спишь, Скобеев! – отчитал Веню кладовщик. – Только второй сорт остался, придется тебе попотеть, чтобы моль это сожрала!

Портянки второго сорта – это переносенные. Их сперва чуток отстирать надо, а потом уж кашу варить. Но Вене уже не впервой:

– Давай свой второй сорт. Сожрет, никуда не денется!

Кладовщик, кряхтя, будто грузит ящики с песком, отсыпал Вене триста граммов:

– Удачи, спящий красавец.

– Угу.

Портянки Веня заполоскал в умывальной под краном: три раза по часовой стрелке, три раза – против, ни больше ни меньше, а сколько надо, чтобы привередливая моль обманулась и сожрала, что дают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.